

**УБИТЬ
НЕЛЬЗЯ
ОСТАНОВИТЬСЯ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

**ЕСЕНИЯ
КАКТУС**

Есения Кактус

УБИТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАНОВИТЬСЯ

<https://litres.ru/73979778>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как справиться с тяжестью отнятой жизни? Я убил троих, не заботясь о последствиях, а сейчас Сейчас смотрю в глаза их родителей, полные горя и ненависти. Смотрю и соглашаюсь со всеми их мыслями. Не мешаю действиям. Я бы позволил отплатить тем же, если бы мог.

Предупреждения: присутствуют подробные описания смерти, пыток, насилия, самоубийства, упоминание курения, наркотических веществ, алкоголя. Присутствует нецензурная брань.

Автор не поддерживает насилие и не пропагандирует его ни в каком виде. Так же автор не поддерживает идеи суицида и не призывает к нему. Любые сходства с реальными людьми случайны.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ИЗОЛЯТОР ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Есения Кактус

Убить нельзя остановиться

ГЛАВА 1

ИЗОЛЯТОР ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ

Я убил всех троих. Первому сломал шею. Раздавил ногой все кости и трахею, раз за разом вдавливая в асфальт. Я до сих пор чувствую его искорёжившиеся пальцы, впившиеся в икру. Произошедшее застряло перед глазами. Вижу, только как мелькают кровавые картинки. Второй бросился с ножом. Им же я перерезал ему глотку. Он медленно осел на пол, сжимая руками рану. Я смотрел. Долго смотрел. Догнал третьего – тот так же надолго замер от страха. Зачем только он показал мне свои глаза, наполненные животным ужасом. Это пронзило насквозь всё моё нутро. Руки по локоть в крови. Хрипы и бульканье, вырывавшиеся и разорванной челюсти, застряли в ушах. Мне что-то говорят – я слышу только крики. Куда-то ведут – вижу лишь три тела, залитые кровью. Она не успела даже высохнуть. Я оставляю отпечатки везде

– на стенах, полу и полицейских. Они злы. Я чувствую.

– В одиночку его, он буйный, – суровый голос добавил что-то тише.

Тряхнул руками. Звон наручников. За решётку толкнули. Оно и к лучшему. По крови до сих пор гуляет адреналин.

Я остановился слишком поздно. Хоть яркие смазанные образы всё ещё мелькают перед глазами – я не помню этого. Не помню. Знаю, что убивал, как и почему. Осознание пришло, когда под пальцами забился быстро-быстро пульс четвёртого... Нет. Он не «один из». Его имя я знаю. Я знаю, что должен был сдерживать себя в руках. Страх в глазах убитого меня не зацепил так, как ужас того, к которому обращаться по имени я не могу. Перед ним я виновен в большей степени.

С металлическим скрежетом открылась дверь. Стремительный шаг. Я не поднял головы, за шиворот подняли чьи-то руки, чтобы ударом с широким замахом снова повалить на пол. Громоздкая обувь пересчитывала рёбра. Я не сопротивлялся. Я делал тоже самое несколько часов назад – мстил.

Три чётких удара о металлическую решётку заставили его нехотя остановиться.

– Дышит? – равнодушно.

– Дышит, куда он денется, – оскалился голос.

И правда. Куда я денусь? Я буду жить и каждую секунду помнить о том, в чём виновен. О том, в чём виновны они. О том, с чем будет жить он. Горизонтальное положение вновь сменилось на вертикальное.

– Я бы прикончил тебя прямо сейчас, но я не дам тебе просто сдохнуть. Ты будешь гнить в тюрючке на пожизненном, пока не пришьют там.

Соглашаясь и принимая его справедливую злость, я смотрел вниз. С чужой кровью смешалась моя собственная. Лучше бы он смог убить меня. Затылок встретился со стеной.

– Ты, блять, знаешь кого ты убил?

– Кого? – из губ вырвался вопрос, опередивший мои мысли. Мне стоило молчать. Заткнуться и ничего не делать. Своим наглым вопросом я словно обесценил всю личность умерших. Я старался проникнуться чувством вины из-за крови на моих руках и дерзости за решение отнять жизнь, но не мог простить своим жертвам их деяний. Я не должен был сам вершить суд – я никто. Но и испытывать жалость не намерен. Не могу. Не сейчас.

Удар в живот. Я согнулся. Внутренности запротестовали.

– Ты убил моего сына, – слова наполнились болью, большей, чем я когда-либо испытывал, и злостью, достаточной, чтобы отплатить мне тем же. – Ты, мразь...!

Слова его застряли в горле. Он хотел сказать так много, что не мог сказать ничего.

– А когда ваш сын, – говорить было трудно, руки дрожали, упёршись в бетон, – чуть не убил моего...

Пинок под рёбра отнял способность дышать. Следующий. Ещё. Ещё. Ещё. Ещё.

– А что ты потом сделал? – с истеричным смешком он под-

нял мою голову за волосы и оттянул, едва не снимая скальп. Не сдержавшись, я зашипел. – Сам вскрыться решил, да?! Так что ж, блять, медлил?! Вот так надо было.

Лезвие коснулось горла. Укусило.

– Прирезать себя вздумал, чтобы не мучиться?! Знал, что с тобой здесь будет, да?

Дёргаными движениями он то подталкивал нож к шее, то отстранял.

– Не выйдет, – прошелестел сквозь зубы и замахнулся, вонзив лезвие по рукоять в бедро. Провернул. Вынул. Я не устоял на ногах. Рана загорела, хлынула кровь. Снова.

Он смотрел на меня. Я в упор на него. В глазах всё плыло, но я видел, как трясутся от желания добить меня руки. Как сильно он сжимает зубы от ненависти. Резко развернулся и вышел.

– Закрой его нахуй, пока не добил. Пусть подохнет от заражения крови.

Протиснувшись в камеру, второй полицейский встал надо мной. Сурово приказал:

– Встань. В карцере лежать и сидеть запрещено.

Я лишь глубоко дышал, смотря в ответ. Рёбра сдавило, ни рук, ни ног я не чувствовал.

– Вставай!

Он рывком потянул меня за руку вверх. Стараясь крепко вцепиться подошвой в пол, я устоял. Даже к лучшему – в таком положении дышать было легче. В ушах зазвенело.

Полицейский вышел вслед за первым. Тот стоял едва ли не в плотную. Ему следовало избить меня до потери сознания. Так, чтобы я не мог говорить. А я мог, и я делал. Бешеная злость до сих пор крылась внутри. Контроль. Сейчас он возможен только из-за страха перед самим собой. Но не тогда.

Я сделал шаг. Повис на прутьях.

– А который из них твой-то был?

Он засопел. Дрогнула рука. Сдержался. Зря.

– Тот... С разорванной челюстью.

Я не ошибся, когда подумал, что его крики застрянут в голове. Они воспроизвелись так чётко, что я едва не обернулся. По телу прошлись мурашки. Будто ударило током. Молчи. Молчи. Молчи.

– Знаешь, у него была возможность убежать. Он был последним. *Кричал громче всех.*

Мужчина ударил прикладом в висок. Я добился своего. Или *он*. Понял это, когда ногой меня потормошил уже совсем другой человек. Времени, проведённого в отключке, я не ощутил. Казалось, что всё происходит последовательно.

Стороны то и дело менялись местами. Было тяжело сосредоточить взгляд.

– Поднимайся.

Он сковал мои руки за спиной. Вывел из камеры и повёл по коридорам в другое место. Его я опознал как медпункт. Сел. Мужчина в халате стал задавать вопросы. Я отвечал на автомате. Хмурясь, глядел в одну точку.

– Раздевайся. Хронические заболевания имеются?

– Нет.

– Педикулёз, туберкулёз, инфекция, сыпь, вши?

– Нет.

– Наркотическое, алкогольное опьянение?

– Нет.

– Жалобы на самочувствие есть?

– Нет.

– Ладно... – он перелистал бумаги. Хмыкнул. Отложил.

Взял ватную палочку и сказал открыть рот, чтобы взять мазок. – Указано, предпринял попытку самоубийства на месте преступления, было?

– Не помню.

Недовольно вздохнув, взял мои руки и перевернул. Синяки и ссадины не были похожи на вскрытые вены. Осмотрел живот – та же картина. Большая гематома расплывалась по всей грудной клетке. Ощупал.

– Болит?

– Нет.

Переместил внимание на шею.

– Гематомы и порез средней глубины слева... – пробубнил себе под нос. Затем осмотрел голову – вероятно остался след от приклада. Вернулся к рабочему месту и застучал по клавиатуре. – Пробелы в памяти? Голова болит? Кружится? Тошнит?

– Нет.

Он вздохнул и раздражённо переспросил, вставая из-за стола.

– Что именно нет?

– Не болит, не кружится, не тошнит. Если пробелы в памяти есть, я о них не помню.

– Ладно. Левую руку, – он обвязал жгутом предплечье, взял кровь из вены, снял жгут и сунул спиртовую салфетку. В нос дал резкий запах. – Сюда проходи.

Врач отвёл в более освещённый угол, снял перчатки и вооружился небольшой камерой. Сфотографировал все повреждения. Избили до мед осмотра – это разумно. Однако не думаю, что всё обойдётся одним случаем.

Указал на рану на ноге, я только сейчас взглянул на неё. Кровь уже запеклась, как и разводы вокруг. Во время ходьбы корка трескалась и продолжала кровить.

– Ходьбе не мешает?

– Нет.

– Хорошо, – снова грузно вздохнул, затем кивнул в сторону мужчины, приведшего меня сюда. – В дезинсектор его. Потом обратно, на перевязку.

Мне вручили халат и отвели в соседнее помещение. Дезинсектором оказался общий душ, на тот момент пустующий. Под пристальным взглядом дежурного я смыл кровь с себя и волос. Вернулись обратно. Мед работник заклеил рану на шее и ноге. Больше ничего трогать и говорить не стал. Повели дальше. Другой кабинет, на этот раз женщина. По

вопросам понял – психотерапевт.

– Так, кто ты у нас?

Я промолчал, тогда чётким тоном за меня это сделал дежурный:

– Владислав Михайлович Воскресенский, 20 полных лет.

– Так... вижу... Психические заболевания есть?

– Нет.

Она тут же поправила меня:

– В личном деле указано о наличии ПТСР.

– Значит есть, – равнодушно ответил я. Всё это она знает, проверяет, буду ли я врать?

– Чем вызвано?

– Не знаю.

– Попытки суицида были?

– Да.

– Сколько?

Я задумался. Это делать было трудно. Выбрал наиболее популярный ответ.

– Не помню. Больше трёх.

– К успеху идёшь, – раздражённо подметил дежурный, на что получил молниеносную реакцию женщины.

– Гражданин Титов! Я сейчас попрошу Вас подождать снаружи!

– Вы посмотрите по какому делу он обвиняемый.

– Мне без разницы, презумпцию невиновности никто не отменял.

– Я виновен.

Две пары глаз уставились на меня. Сердце забилось быстрее.

– Я убил троих человек и покусился на жизнь ещё одного.

Сказать вслух было необходимостью. Это снова распечатало мои чувства. К горлу подкатил ком. Я должен был остановиться.

– Так, об этом с тобой будут говорить в другом месте, а пока мне нужно другое.

Я снова замер взглядом в сторону. Я убил. Руки чистые, но я знаю, что они в крови. Знаю в чьей. И по чьей вине.

Дальше в вопросы не вдумывался и отвечал на автомате, хоть и казалось, что до этого я делал так же. Дежурный отвлёк в первый кабинет, там вернули одежду. Она была сырая. Кровь не смылась полностью – её будто просто прополоскали в хлорке. Руки сковали. Шли дальше. Помещение с разметкой на стене и столом посередине. Кажется, я здесь уже был.

Голова шла кругом от светлоты помещения. От влажной одежды всё зудело. Я не следил за временем, а потому не мог понять сколько его уже прошло. Наконец, вошёл мужчина. Обратился к дежурному и сказал тому выйти. Сел напротив. Разложил бумаги на столе и включил диктофон.

– лейтенант полиции Олег Юрьевич Джабраилов. Я занимаюсь расследованием по Вашему делу. Владислав Михайлович Воскресенский, вы знаете, почему вас задержали?

– Да.

– Вам озвучили ваши права?

– Да, – машинально ответил, хоть и не помнил ничего подобного вовсе. Правом хранить молчание и правом на адвоката пользоваться не собирался. Отрицать вину было глупо, да и я смягчения приговора не желал. По правде, и вовсе не заботился об этом сейчас. Знал – меня посадят. Куда и насколько – не столь важно.

– Вы обвиняетесь в убийстве гражданина Марка Витальевича Хмурова, гражданина Романа Викторовича Васильева, гражданина Родиона Геннадьевича Кругленко. Так же вы обвиняетесь в причинении тяжкого вреда здоровью гражданину Максиму Сергеевичу Миронову. Вы согласны с обвинениями?

– Да.

– Дальше. Смотрите, вы можете начать сотрудничать со следствием и сразу рассказать, как всё произошло, это сильно упростит нам работу, – он уставился на меня. Я на него. – Вы согласны сотрудничать со следствием?

– Да.

Он давал мне выбор. Чтобы не усмехнуться иронии я сжал челюсти до писка в ушах.

– Тогда, – он вытянул из папки лист и положил его передо мной вместе с ручкой, – пиши.

Я взял ручку, постарался сделать это более удобно, в условиях ограничивающих наручников. Упёр её в лист. Будто подумав, что в моём стиле будет написать «я во всём виноват»,

исходя из недолгого диалога, следователь начал диктовать:

– Я, фамилия, имя, отчество, пишу чистосердечное признание о том, что совершил убийство гражданина... Вот список убитых. Далее: свою вину признаю в полном объёме и раскаиваюсь в содеянном. Дата. Подпись.

Рука дрожала. И без того плохой почерк грозил стать нечитабельным. Приходилось писать медленнее. Краем глаза заметил, как следователь выключил диктофон. Молча дождался подписи. Отнял бумагу. Перечитал.

– Последнего не вписал.

– Я ему ничего не сделал.

– Пиздишь, – контрастная смена интонации накалила обстановку. Всё что было нужно под запись – он проговорил. Дальше можно не церемониться. – Три сломанных ребра, сотрясение, многочисленные ушибы, внутреннее кровотечение. Ты хочешь сказать, что троих убил, а последнего и пальцем не тронул? Как по мне, ты хорошо над ним поиздевался.

– Его как раз-таки избивали эти трое, – рука сжалась, ногти впились в ладонь. Я вновь и вновь повторял себе мантру о том, что должен держать себя в руках. Глаза следователя метнулись на мои руки и снова вгляделись в упор в лицо.

Изображая сдержанность, он сложил бумаги в стопку и сверху положил диктофон. Встал, резко отодвинув стул, от чего тот противно и громко скрипнул по полу. Огляделся по сторонам, обходя стол. Будто только сейчас убедившись, что в комнате больше никого нет, сбил меня на пол. Этого

стоило ожидать. Изображая мешок, я не делал лишних движений. Звуков тоже старался не издавать, пока уже другие ботинки второй раз за сутки проверяли наличие рёбер. Следовательно ограничился сравнительно меньшим количеством ударов. Резко и без особой осторожности усадил на стул обратно. Развернул и задвинул ближе к столу. Упёрся в него рукой и навис, сжав в кулаке мои волосы. Поглядывая в угол, быстро с отдышкой проговорил:

– Сейчас придёт адвокат. Государственный. Денег на своего у тебя нет, а потому посадят тебя на долго и подальше. А обо всём этом ты никому не расскажешь. Понял?

Я молчал, смотря в потолок. Тогда следователь вздохнул, кинул взгляд в угол и припечатал мою голову об стол.

– Плохо слышишь?

Снова удар. Не дал и секунды на ответ.

– Понял?

– Понял...

Ещё раз. Хруст.

– Извини, не расслышал, так что здесь происходило?

– А что здесь происходило?

Снова.

– Шутников не люблю.

– Всё что здесь происходило записано на диктофон. Ни больше ни меньше.

Вложив в финальный удар об стол моим лицом максимальную силу, он вышел, не оборачиваясь. Я поднял голову

и устался на оставшуюся красную лужицу, в которую продолжала капать кровь из моего носа. Утерев её тыльной стороной ладони, посмотрел вверх – в том углу, куда так часто поглядывал следователь, висела камера. Лампочка на ней не мигала. Я усмехнулся. То ли от продуманности этой системы, то ли нервно. Наконец, решил оглядеться. Справа находилась уже упомянутая расчерченная стена. Спереди была рыжая деревянная дверь. Слева на меня посмотрел я сам. По телу пробежались мурашки. Длинные белые волосы спутались от бесконечного внимания к ним. Лицо показалось мне вдвое бледнее обычного то ли из-за тёмного стекла, то ли из-за яркого алого контраста. Едва различимый красный оттенок глаз сейчас казался мне пламенеющим. Это из-за убийства? Да. Я смотрю на убийцу. Безжалостного. Отвратительного. Отрицая себя в отражении, коснулся лица. Оно повторило. Улыбка. Тряхнул головой – та отозвалась звенящей болью. Вернул взгляд. Показалось. Дотронулся носа. Кажется сломан. Вдох. Хруст ещё более громкий, чем до этого. Вырвался тихий стон. Срастётся правильно. Потекла новая струйка крови. Поддев пальцами рукав, приложил его к носу.

Дверь открылась. Вошла уборщица. Одна. Производила впечатление женщины уже не боящейся никого. Машинально глянул в верхний угол. Лампочка стала мигать. Женщина вытерла тряпкой весь стол, прополоскала, повторила. Не глядя, сунула салфетку.

– Спасибо.

– Пожалста, – проговорила в ответ звонко и так же хмуро, – будете мне тут капать своей кровякой. Двадцать штук на дню ходят, топчут, а я убирай! Ни стыда, ни совести!

Я вновь невольно усмехнулся.

– Вы всем убийцам про совесть рассказываете?

Она остановилась, оскорблённо осмотрела меня с ног до головы.

– Ты поговори мне тут ещё! Один ты у меня такой опасный что ли? Тьфу! Ирод, прости Господи.

Сгребя свои тряпки и вёдра, она стремительно вышла, не прекращая причитать. В дверях с ней столкнулся молодой человек в деловом костюме и получил пару ласковых и в свой адрес. Проводив взглядом женщину, негодующе выдохнул. Энергичным шагом вошёл в помещение. Замедлился, когда столкнулся с моим взглядом. Обернулся. Следом вошёл сотрудник полиции, которого я до этого ещё не видел. Мысленно приготовился к избиению и от него.

– Здравствуйте, меня зовут Бауманов Борис Артёмович. Я буду представлять ваши интересы в суде. Приятно познакомиться.

Он протянул мне руку, на которую я скептически посмотрел. Со стороны, наверное, я сделал это как затравленный зверь, коим, по сути, и являлся. Чуть погодя, поднёс скованные руки и ответил на рукопожатие. Борис заикнулся, чтобы что-то сказать, но был перебит стоящим позади сотруд-

ником.

– С ним можно не так вежливо.

Адвокат рвано вздохнул и дежурно улыбнулся, оборачиваясь.

– Вы можете нас оставить? Подозреваемый скован, камера работает – я в безопасности.

Полицейский усмехнулся: «В безопасности», и вышел, громко хлопнув дверью.

– Так, – прогоняя из мыслей насмешку, он разложил на столе бумаги, вооружился ручкой и уставился на меня. Завис.

– Мне не нужен адвокат.

– В смысле?

– Я виновен. Во всех обвинениях. Сажайте и всё.

Борис вздохнул, поморгал.

– Значит просто не будет... Послушайте, даже если вы не рассчитываете на освобождение, я в любом случае нужен, чтобы проследить за законностью расследования.

– Мне без разницы.

Судя по взгляду, я снова ввёл его в ступор.

– Так если без разницы, позвольте мне просто делать свою работу. Моё участие в любом случае необходимо. Вам может грозить срок свыше 15 лет.

Теперь вздохнул уже я.

– Хорошо. От меня что требуется?

– Расскажите, как всё произошло. По протоколу, вас за-

ключили под стражу на месте преступления... – он стал вчитываться в протокол, – ...трое убитых – предварительно, гражданин...

– Можете не перечислять, всё верно.

Он смолк, но продолжил читать для себя и, не сдержавшись, удивлённо прочитал вслух:

– ...обезглавленный путём перерезания щёк и разрыва челюсти...

Он поднял на меня тревожный взгляд.

– Вы можете позвать полицейского обратно, я не обижусь.

Пропустив предложение мимо ушей, он озвучил следующую выдержку громче и шокированнее:

– ...был сыном майора полиции...?! Да вы издеваетесь надо мной... – адвокат выпустил бумагу из рук и уронил на них голову, продолжая читать, – ...сыном подполковника внутренних дел, ранее работавшим в исправительной колонии... был доставлен в больницу без сознания... на-на-на... подозреваемый совершил попытку суицида на месте преступления...

Он накрыл рот рукой и пустым взглядом уставился перед собой сквозь меня. Сидел так какое-то время, прежде чем с великим осознанием вновь не заговорил:

– Так вот почему все от тебя отказались, так ещё и мне не дали состав прочитать... Уё... Любимые коллеги...

Энтузиазм улетучился так же быстро, как и формальности.

– Вы можете тоже от меня отказаться?

– Какой там?! Это же... моё первое серьёзное дело... Если я откажусь сейчас, так и буду разводы до конца жизни вести и делить кота... – он простонал в потолок, взъерошивая расчёсанные волосы.

– Сочувствую...? – не зная, что сказать разочарованному адвокату, я лишь поднял брови, всеми силами стараясь избежать своего отражения слева.

– Ладно. Хорошо, – он прокашлялся. – Для начала пройдемся по составу ещё раз. С твоих слов. Как всё было?

– У вас же всё написано.

– Догадки следствия. Нужны детали.

Я вздохнул. Отвёл взгляд на дверь.

– Я был на работе. Максим... – произносить это имя было тяжело. Хоть я и не успел, не хотел причинять ему вред – я был в шаге от этого. – Он не выходил на связь. Я приехал. Мне позвонили с его номера. Вы можете проверить звонок. Эти трое... – сглатывая оскорбление и делая вдох, я продолжил спокойнее. Сквозь сжатые зубы, – они избивали его. Долго. Смеялись в трубку, думая, что я в другом городе. Что я не успею. Но я был рядом. Когда я пришёл, Максим уже едва был в сознании...

– И ты выбрал убить троих человек вместо того, чтобы вызвать полицию?

– Я не подумал. Я просто... сделал.

– Что сделал?! Убил?

На его повышенный тон я лишь снова сжал зубы. Зрачки забегали от напряжения.

– Я раскаиваюсь. Я не должен был убивать людей...

– Но?

– ...но, когда увидел еле-живым своего единственного друга, стало плевать на последствия. Если бы я мог остановиться, я бы сделал это. Но вернись я обратно – результат бы не изменился.

Борис прикрыл глаза и сложил перед собой руки. Заговорил быстро и сбивчиво.

– Влад, я могу называть тебя Владом? – я кивнул. – Хорошо, итак, Влад. Давай договоримся. Ты никогда и ни при каких обстоятельствах не будешь упоминать последнее.

– Не буду говорить, что *убил бы ещё раз тех, кто посмел тронуть моего близкого человека?* Хорошо.

Борис нервно сглотнул. Убрал руки под стол. Снова положил обратно. Потёр висок, заглядывая в бумаги.

– Ладно, давай дальше.

– Что дальше?

– По хронологии дальше. Детали помнишь?

Помнил смутно. Но уже выбрал тактику, в которой провалов в памяти нет. Расходящиеся показания быстро вскроются.

– Он лежал без сознания... Трое убитых, смеясь, удалялись. Видимо, только отошли. Я напал сзади на одного из них. Остальные двое пытались оторвать нас друг от друга.

Потом кто-то приложил арматурой по голове... дальше... я кажется...

Уверенность сыпалась. Между встречей и убийством происходило что-то ещё. Было что-то ещё.

– Провалы в памяти?

– Нет, просто всё происходило быстро.

Он промышчал, соглашаясь со своими мыслями. Мне это не нравилось.

– Что было в звонке?

– Кто-то из них в красках описывал, как они избивали Макса. Говорили ждать своей очереди.

– Провоцировали?

– Да.

– Так, слушай, всё не настолько плохо! – он деловито хмыкнул. – Если была провокация, это уже смягчение. Я бы так же подал заявку на проведение экспертизы на состояние аффекта. Исходя из сказанного... А в каких отношения вы находились? С убитыми и с потерпевшим.

– Мы с Максом и Марком были одноклассниками, остальных я видел впервые. У них постоянно происходили драки ещё до меня. Когда мы сблизились, он начал наседать на нас в общем.

– По какой причине?

Я тяжело вздохнул.

– Догадайтесь.

Он нахмурился. Поморгал. Осторожно предположил:

– Вы с потерпевшим состоите в... романтических отношениях?

– По мнению убитого – да.

– Значит это он долгое время провоцировал?

– Можно и так выразиться.

– Тогда это пойдёт только в подтверждение состояния аффекта. Сможем изложить всё так, что это стало последней каплей.

– И что будет в итоге?

– Срок может сократиться до 5 лет. Как непреднамеренное в состоянии аффекта. Главное, чтобы свидетель подтвердил твои слова. Я запрошу запись телефонного разговора, – в более приподнятом теперь настроении он делал записи в блокноте. Пришлось разочаровать.

– Я ответил, что убью его.

Он остановился.

– В звонке?

Кивнул. Адвокат поджал губы. Было видно – это сильно усложнило задачу.

– Значит перевес на преднамеренное... – он постучал кончиком ручки по виску. – Стоп, вы с... Марком Хмуровым и Максимом Мироновым были одноклассниками?

– Да.

Не прекращая хмуриться, он зачитал очередную выдержку:

– Возраст погибшего 17 лет. Пострадавшему – 18 полных.

Тебе 20. Я юрист, но у меня всё хорошо с математикой.

– У меня на счету два суицида с длительным восстановлением. Макс... кажется, в детстве что-то было.

Я не стал вдаваться в подробности личной жизни последнего. Если это будет необходимо – детали расскажет он сам. Сейчас это к делу отношения не имеет.

– Чем вызваны попытки суицида?

– Плохо складывались отношения с родителями и окружающими в целом. Я, если вы не заметили, выгляжу странно.

Он задумчиво кивнул.

– Состоишь на учёте психиатра?

– Рекомендовали, но я не посещал. Если вы хотите узнать о психических отклонениях, только ПТСР.

– На фоне чего развился?

Я увёл взгляд в сторону. Слишком много факторов. Подробно всё изложено в личном деле, но к нему я, кажется, и не прикасался.

– Вроде бы, диагноз поставили в лет... десять... – я отмахнулся, стараясь произнести весь ряд как можно быстрее и вновь забыть о его существовании. – Там совокупность. Сначала смерть сестры, потом отец пить начал, избивать нас с матерью по очереди. Там и она уже не выдерживала.

– Что стало с сестрой?

– Я не хочу об этом говорить. Очень плохо помню.

Я помнил всё идеально. Каждую секунду до, во время и после. Конечно, поначалу, детский мозг блокировал воспо-

минания. Но пара неосторожных фраз родителей там – пара тут, и я уже вижу её взгляд с криком о помощи. Глаза, в которых пришло понимание, что под ногами лишь 20 метров высоты. Она падала, крича моё имя. Чем дальше я погружаюсь в воспоминания, тем больше боюсь поворачивать голову влево. Тем громче становится в помещении. Надо успокоиться. Потом. Вспомню об этом потом.

По долгому взгляду Бориса понял, что пропустил вопрос. Поднял на него тревожный взгляд. Я должен взять себя в руки. Это уже закончилось тремя убийствами. Хватит. Вдох. Дышать. Наручники лязгнули от произвольного резкого движения. Плохо. Возьми себя в руки. Успокойся. Сейчас не это главное. Я должен закончить этот разговор.

– Что вы спросили? – прикрыв глаза натужно спокойно протянул я.

– Тебя здесь избивают?

– С чего вы взяли? – я задал вопрос почти искренне, не успев сложить в голове причинно-следственные связи. Он скептически оглядел мой внешний вид. Свежая кровь под носом и шишка в районе виска отвечали красноречиво.

– Ты убил сына майора полиции и сына подполковника внутренних дел на пенсии, – будто я мог об этом забыть, он надавил интонацией.

Я вздохнул, уведя взгляд вверх. Понимал, на что он намекал, но также ясно понимал и мотив окружающих. Превышение полномочий? Я, чёрт возьми, отнял жизнь! Хоть мо-

ральным принципам это и противоречит – я никого из них не осуждаю. Даже если оба сына были при жизни последними тварями.

– А второй кто?

– Отец Марка Хмурова – Виталий Хмуров. И, если он до сих пор тебя не навестил, он это сделает.

– Я не понимаю о чём вы, – новых проблем не хотелось. – Со мной обращаются в соответствии с моими правами. Ни больше ни меньше.

Он поджал губы. Я говорил спокойно. Хотя, мне кажется, любая моя интонация, в том числе и отсутствие вообще каких-либо слов, будет выводить из себя каждого. И в этом тоже виноват я сам.

Борис заикнулся, чтобы задать следующий вопрос. В дверь затарабанили.

– У вас всё в порядке?

– Да! – он устало протёр лицо рукой, прежде чем продолжить. – Мы заканчиваем.

В помещение вошёл сотрудник, впусивший до этого Бориса. Встал на старое место у стены. Если и он решил прописать мне пару ласковых – пусть делает это осторожнее. Уборщицу жалко.

Адвокат встал. Сгрёб бумаги. По-деловому обратился ко мне.

– Сейчас остаётся ждать, когда суд ответит на заявку. Обычно это решается в первые двое суток. В редких случа-

ях до пяти. Потом вас переведут в СИЗО, в следующий раз встретимся уже там.

Не оправдав мои ожидания, сотрудник молча сковал мне руки сзади и повёл прочь. Разве что наклониться вынудил ниже. На этот раз конечной точкой стала уже знакомая камера. Руки освободили. Втолкнули. Напомнили о том, что из разрешённого здесь только стояние на ногах до отбоя. Подвешенная справа шконка была прикована к стене.

– Не скучай, все два квадратных метра для персональной прогулки, – едко оповестил сотрудник, прежде чем уйти прочь.

Простояв в середине комнаты некоторое время, я пожалел лишь об одном – не спросил, сколько времени здесь нахожусь, да и в целом хотелось бы знать точное время.

Пространство густело. Вскоре я понял, что сгущаются мои мысли. Они начинали расти и множиться, давя на голову. Давя друг на друга. Это не обычный провал из реальности внутрь себя. Это реальность, в которой есть только я и всё со мной связанное.

Они грызли изнутри. Бесновались. Они. *Они.*

Ноги подкашивались. Машинальным желанием было свернуться на полу. Я стоял. Стоял. Мне сказали стоять.

Я убил. Я. Своими руками. Ломал шею. Резал плоть. Разрывал её.

К горлу подкатила тошнота. Внутренности сжались и запищали.

Мне это... нравилось? Я чувствовал упоение. Меня провоцировали их крики. А правда ли я делал это ради спасения?

Повело. Колени дрожали, норовя согнуться и удариться об пол.

– *Тебе приказали стоять.*

Удар. Так сильно забилося сердце. С каждым ударом в глазах темнело. *Он* снова говорит со мной. Стальным стержнем выпрямилось всё тело. Я накрыл рот руками. Я молчал. Так почему я слышу свой голос? В камере никого нет, но я слышу чужие голоса. Так громко. Так близко. Изнутри. Снаружи.

Держать себя в руках. В руках.

Паника. Как от них избавиться? Нечем. Негде. Ничего нет.

– *Он и впрямь кричал так громко?*

– Нет... – попятился. Решётка.

Чередой громких звуков. Железные.

– К решётке не прислоняться!

Я не обернулся. Шаг вперёд. Ещё. Стена. Шершавая. Холодная. Ногтями впился в камень. Больно.

– *Им тоже было больно?*

Больнее. Должно быть больнее.

Как мне это сделать? Отсутствие боли. Моя пытка. *Он* знает. Стоять и слушать. Чувствовать *их* слова. *Его* слова и волю. Я хочу. Я жажду сопротивления. Я не могу.

Пальцы спутались в волосах. Клок упал на пол. Думай.

Думай. Что ты можешь сделать? Что ты можешь сделать?

Он вторил мне с насмешкой. Он привёл меня к этому. Всегда приводит. Нельзя идти на поводу. Я не говорил это себе столько раз никогда. Это было ошибкой. Я должен был сильнее противиться. Никогда не принимать его помощь. Не сближаться. Не давать рычагов давления. Я сам вручил ему нити. Я должен их перерезать. Я должен так много. Я не выдержу. Сорвусь. Снова. Я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.